

СУФИЙСКАЯ СИМВОЛИКА В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

© Н.М.Юсупова, А.Ф.Юсупов

В статье рассматриваются особенности татарской суфийской поэзии XIX века на материале поэтических произведений А.Каргали и Ш.Заки, выделяются часто используемые суфийские символы и определяется их смысловая и философско-эстетическая нагрузка. В процессе изучения выявляются релевантные национальной культуре формы символизации в рамках суфийской эстетики.

Ключевые слова: татарская поэзия, символ, суфизм, суфийская эстетика, трактовка, миропонимание, мировоззрение.

В истории татарской поэзии XIX век представляет один из наиболее своеобразных периодов не только по восприятию картины мира, но и по своим словесно-изобразительным свойствам, средствам художественной выразительности. В развитии словесного искусства вплоть до второй половины XIX века продолжается этап средневековья, начавшийся еще с болгарских времен [1: 206]. В звеньях развития мировой литературы этот этап известен как время ориентации на канон, господствования традиционалистского художественного сознания, пришедшего на смену архаичному времени и мифопоэтическому сознанию, где основными понятиями служат образец, норма, традиционализм [2: 118-119]. В связи с этим для литературы данного периода характерна устойчивость как в отношении художественно-изобразительных средств, так и в отношении художественного мышления.

Как уже известно, в общественно-философской мысли XIX века особое место занимает суфизм. Суфизм, как указывает А.Сибгатуллина, «среди татар активизировался в основном в период падения Казанского ханства и особенно укрепился во времена колонизации и насильственной христианизации татарского народа. Он стал мощной опорой мусульманской религии и в определенной степени помог выстоять народу против политики царизма» [3: 24]. Вторая половина XVIII века характеризуется в истории началом новой волны христианизации татарского народа. По мнению Г.Идиятуллиной, устойчивость позиции ислама в жизни татарской общины в этот период была достигнута во многом благодаря его суфийской интерпретации как «религии сердца» [4: 12]. В таких исторических условиях суфийские произведения воспринимались татарским народом как мощное оружие, которое прозвучало скрытым экспромтом против политики христианизации. Изучив историю развития суфизма в татарской общественно-философской мысли, А.Юзеев утверждает, что в Поволжье к XIX веку

интерес к суфизму ослабевает. Ученый указывает на то, что «новое время предъявляло новые требования к изменению традиционного образа жизни мусульманского общества в направлении раскрепощения личности, усвоения светского знания, в то время как суфизм постепенно превратился в оплот реакции, духовного догматизма» [5: 114]. Однако в литературе все еще сохраняются и нарастают суфийские традиции; изучив творчество Утыз Имяни, Р.Ганиева подчеркивает, что «нарастание суфийских настроений у поэта было обусловлено духовным кризисом, охватившим татарское общество в конце XVIII – первой трети XIX века...» [6: 52].

Суфизм, широко распространенный в мусульманской общественно-философской мысли, наполняет и обогащает поэзию мистическим содержанием, своеобразным мировосприятием, образами-символами, окутанными таинственностью и скрытым смыслом. Символическая образность является доминирующей в культуре суфизма, и, как отмечает Массиньон, для структуры искусства мусульманских народов в целом характерно символическое единство [7: 58]. М.Степанянц отмечает, что «как бы ни была противоречива роль суфизма в истории мусульманства, не подлежит сомнению, что его влияние в области литературы было достаточно интенсивным и разноплановым, и все же преобладало позитивное начало. Именно в поэзии в полной мере проявила себя раскрепощающая роль мистического восприятия, позволяющего через символы, метафоры выразить полет человеческой фантазии, неукротимый порыв к поиску Идеала-Истины» [8: 10].

Сердцевиной суфийской литературы является божественная любовь (любовь к Богу), именно в поэзии в полной мере проявляется мистическое мировосприятие, представленное через такие символы, метафоры, как *локон, раб, душа, вино, свеча, бабочка, луна, возлюбленная*. Например, Бог трактует абсолютную истину, опьянение –

достижение истины, слияние с Богом, вино – любовь [9: 18], свеча – Бог, Всевышний, красивая девушка, Лейла, птица Симург также используется как символ Создателя, для выражения любви к Богу используются такие парные символы, как цветок и соловей, свеча и мотылек [10: 351].

Генетически связанная с литературой арабo-мусульманского Востока татарская литература XIX века сохраняет и развивает характерные для суфийской поэзии особенности символизации. В ней присутствуют суфийские культурные коды, символы служат основным средством изложения Божественной любви, философской концепции поэта – таким образом, «суфийская символика становится исходной точкой» [11: 74-75] поэтического мышления. Эта мысль, высказанная А.М.Саяповой по поводу поэзии Дардменда, приемлема и для татарской поэзии XIX века.

Творчество Абельманиха Каргали и Шамсетдина Заки составляет суфийскую литературу данного периода. В их поэтических произведениях на первый план выходит идея единства Макрокосмоса и Микрокосмоса, концепция божественной любви, которая выражается посредством суфийских символов. Например, в стихотворении «...Үгрәнмәк кирәк» Ш.Заки обращается распространенным в арабo-мусульманской эстетике парным символическим образом бабочки и свечи:

*Васләте жәнән өчен жан сарыф кылмакны
мөдам,*

*Ир исәң, пәрванай хушхойдан үгрәнмәк кирәк,
Гыйшык мәгъна шәмгына пәрвана кыйлды
үзенә [12: 39].*

(Сөйгәнең белән кавышу өчен өзлексез жан сарыф кылырга кирәк,

Ир булсаң, матур күбәләктән өйрәнергә кирәк,

Гыйшык тотып, күбәләк мәгънәви шәмдә эреде. (Здесь и далее подстрочный перевод наш – Н.Ю., А.Ю.)).

В условно-символическом пласте стихотворения парная символика «мотылек – свеча» близка к традиционной суфийской интерпретации и передает мотив единства, божественную любовь. Как утверждает Н.Пригарина, в суфийской эстетике «символ не украшает текст, а указывает на какие-то иные значения в сущности» [13: 131]. Образ мотылька, летящего на огонь и в нем сгорающего, является распространенным в восточной, в первую очередь персоязычной лирике (Саади, Хафиз) [11: 77]. Как известно, образ свечи суфиями воспринимается как божественный свет, Макрокосмос, Абсолют, «а образ бабочки, стремящейся к огню, в суфийской поэзии

обладает устоявшимся значением: им выражается стремление к познанию» [11: 80]. В рамках восточных суфийских традиций эти символы передают мистическое содержание, лирический герой предстает как суфий, стремящийся к Богу.

Субъективный пласт произведения формирует «назидание» автора, адресованное людям, описывает подробный путь сближения с Аллахом – «Сәрвәхдәт дәрсе». Шаг за шагом автор дает инструкцию прохождения этого пути и говорит о том, к чему человек должен стремиться. Первое назидание поэта – «нужно быть покорным, благонравным», второе – «нужно всему научиться», третье – «нужно стремиться быть образованным», достичь божественных знаний, четвертое – «нужно стремиться знать сокровенное». Так душа человека сможет очиститься. Суфийская парная символика помогает Ш.Заки передать авторскую позицию: как бабочка, совершившая обряд хождения вокруг свечи и сгоревшая, каждый человек должен очищать свою душу, зажигать огонь – любовь к Богу – в своей душе и, «сгорев», уходить в Вечность, к Абсолюту.

В стихотворении Ш.Заки «...Әйладе» образ-символ любви несет ту же функцию. Поэт уже в самом названии стихотворения, как и в суфийских традициях, в закодированном смысле определяет свою философско-эстетическую концепцию – концепцию стремления к Богу. В произведении обнаруживается определенное мистическое содержание: земная жизнь автором оценивается как жизнь бессмысленная и полная земных грехов, трактуется как несовершенная копия истинного бытия. Лирический герой находится в стадии *зүхд* и рассказывает о необходимости безразличия к мирским благам, как «халәль» (дозволенным), так и «харам» (недозволенным). Автор утверждает, что в земле много зла, мерзости, неверия, из-за чего многие отклонились от намеченного пути и призывает людей вступать на правый путь. Такая же тенденция наблюдается и в стихотворении Ш.Заки «Күңлеңе гыйшык илә дөрләт». Автор прибегает к образу-символу любви – основной категории суфийской эстетической мысли – и интерпретирует ее как божественную силу.

В суфийских поэтических произведениях XIX века часто встречаются символ вина и мотив опьянения. Например, в стихотворении Ш.Заки «Үз-үзен битәрләү шигыре» лирический герой находится в макаме раскаяния. Находящийся в стоянке тауба поэт разговаривает сам с собой, хочет отвернуться от совершившихся грехов. Стихотворение начинается с раскаяния лирического героя за свои грехи, он раскаивается в том,

что совершил много грехов, недостаточно посвятил себя к Богу. Поэт напоминает, что он, как и все, несчастный, жалкий и беспомощный, за себя просит прощения, и утверждает, что должен молиться, отречься от мирских благ, держать пост, очищать свою душу – только такое усердие позволит сблизиться с Богом. Такая позиция выражается посредством образа вина, по своей эстетической и смысловой нагрузке интерпретирующей молитвенное обращение лирического героя:

Эчәле хикмәт шәрабен, оч әле күкләр яга

Шәүкы дилбәрдән эчәр халис шәрабы, мәй пәрәст,

Бәс, кәбаб өчен дилән берйән идәр, бәрийән идәр,

Китер жәсам, тиала, бадәне саф ит,

Йөрткел кәсаи дәүран, бу дәмләр – ганимәтдәр [12: 39].

(Эч әле хикмәт шәрабен, оч әле күкләр ягына, Сөйгәнәнә атлыгудан кеше эчәр саф шәрабны,

эчемлек белән тулы савытны,

Һәм иттән эзерләнгән азык итеп

Үзенә йөрәген кыздырыр.

Китер касә, савыт, эчемлекне саф ит,

Йөрт язмыш касәсен, бу мизгелләр – байлыктыр).

В суфийской поэзии вино воспринимается как любовь к Аллаху, а опьянение трактуется как состояние, ведущее процессу познания бога, к экстазу. В авторской концепции Ш.Заки подобная символизация становится выразителем божественной любви, в строке «*Эчәле хикмәт шәрабен, оч әле күкләр яга*» через опьянение выражается состояние экстаза.

Такая же тенденция наблюдается и в стихотворении «...булгай, булмагай», где лирический герой находится в состоянии *махабба* – любви к Богу:

Жан илә иман-икәүләр – бер өйдә бал эчәр,

Нагяһан ул икесе бер әүдә булгай, булмагай.

Бу жиһанның шәһриң базарының сәүдәсе күб,

Кыйл бу сәүдәне янә-базары булгай, булмагай [12: 62].

(Жан белән иман – икесе – бер өйдә бал эчә,

Бер вакытта икесе бер өйдә булыр, булмас.

Бу дөнъяның базарының сәүдәсе күп,

Сәүдә ит син, базар булыр, булмас).

Автор воспеваёт божественную любовь. Кроме образа-символа вина, в стихотворении присутствует окказиальный синоним – «базарның сәүдәсе», который восходит к суфийскому толкованию. Автор призывает людей к духовному и нравственному совершенствованию,

через которое можно постичь Истину, любовь к Аллаху.

В татарской поэзии XIX века также обнаруживается двусоставная суфийская символика соловей – цветок. Например, в стихотворении Ш.Заки «...Йазыкым чук, азыгым юк» поэт, находящийся в стадии *тауба*, обращается к подобной символике:

Нә деләрсә, деләсен кол-ходадан,

Бәнәм-андан, һаман ул – мәсьүлемдер.

Бәнәм шул мәскәнәт багында былбыл

Нә шах үзрә кунарсам, шул – гөлемдер [12: 60].

(Ни теләсә, теләсен кол ходадан

Мин – аңардан, ул һаман теләгәнәмдер,

Мин шул гажизлек бакчасында былбыл,

үзенә кунсам, шул – гөлемдер).

В суфийской эстетике цветок – Бог, а воспевающий его соловей в суфийском прочтении выражает суфия, стремящегося к божественной любви и единению со Всевышним. Использованный в стихотворении образ-символ цветка в рамках суфийской эстетики воспринимается как Истина, а соловей понимается как певец божественной любви и суфий, вставший на путь стремления к единению с Богом. Схожая мысль развивается и в стихотворениях «Өхлакны төзәтү хакында мөнажәт», «...Улмая» Ш.Заки.

В стихотворении А.Каргали «Сахрада» обнаруживается мистическое созерцание мира, на первый план выходит любовь, воспринимающаяся как вечный закон природы-человека. Природа демонстрирует свое совершенство, образы соловья, цветка, озера, птиц и т.д. наполняются содержанием божественной красоты. Лирический герой стоит на грани двух миров: бытия и небытия:

Былбыл диваналар гөлләр өчен йәшен сачар,

Күл эчендә бакалар “бак-бак” дәю жәәүлан идәр...

Шуйлә дилкәш, буйла хөррәм монча гыйззәтле һава,

Бәс моның дәк дилкәшадә чикмәсеннәрме нәва! [12: 123]

(Былбыллар гөлләр өчен яшен кояр,

Күл эчендә бакалар “бак-бак” диеп аваз салыр,

Күңелне шундый үзенә тартучы,

Шатландыручы мондый гыйззәтле һава,

Моның кебек хозурлыктан ничек аваз бирмәскә, жырламаска!).

Красота природы, с одной стороны, как в суфийской поэзии, становится источником духовного вдохновения, с другой – символизирует совершенство и гармонию души, а сад символизирует бытие или душу. В рамках произведения

единство человека, высшей силы и природы выражает пантеистические идеи, любовь представляется как сила, способная привести в гармонию бытия. Таким образом, автор формулирует свое отношение: только через «сад любви» можно достичь абсолютной гармонии. В стихотворении лирический герой предстает в статусе суфия, находящегося в пути совершенствования. Такая же интерпретация обнаруживается и в стихотворении Ш.Заки «Суфичылык тэрикатенэ чакыру шигыре». Уже в самом названии стихотворения, как и в суфийских традициях, определяется авторская позиция – призыв к суфийскому пути:

Жан жанан иленэ сэйран идэр, сэйран идэр,

Бел: фэна фи аллаһи, улан мотлак бэка биаллаһ улыр,

Васлы гөлзарында хуш жэяүлэн идэр, жэяүлэн идэр.

Меңәр гафил бу сүзэ танмайыб кидәр кирү,

Мөэмин гакыйл вәли эзган идэр, эзган идэр [12: 54].

(Жан белән сөйгән яр күнел күтәрәп йөрер,

Бел: фәнәлик Аллада, чыннан да (чынлыкта) мәнҗе Алла белән булыр,

Меңәр надан бу сүзгә ышанмыйча кире китәр,

Акыллы мөэмин ләкин аларга буйсыныр).

В своем стихотворении поэт подробно описывает суфийский путь, утверждает, что каждый человек должен молиться, отречься от мирских благ, очищать свою душу, «влюбиться» – зажигать в душе своей огонь для Бога. Сад – «васлы гөлзар» – автором трактуется в чисто суфийском содержании как точка божественной красоты и «место встречи» с Истиной. Также Ш.Заки обращается к суфийскому термину *Фэна*, который с конца IX века становится одним из основных технических терминов суфизма, который интерпретируется как конечная цель суфийского пути. Суфийская символика обобщает авторскую позицию: конечной целью человеческого бытия является слияние с божеством, уход в небытие, единство с ним в райском саду. В духе суфийской концепции в рамках произведения поднимается проблема совершенного человека, предложенная Ибн Араби (1165-1240), создавшем философские основы суфизма. В трудах философа Адам изображается как повторение лика Божьего, преемник Бога на земле [14: 62-63]. Концепция совершенного человека «приводит к определению божественных и человеческих качеств» [15: 69], «однако присутствует в литературе в сильно отдаленной, оторванной от своих религиозно-суфийских корней форме» [16: 221]. Стремление к единению с Богом автором трактуется как стремление к совершенствованию. По-

добное единство («человек – природа – гармония») продолжается и в поэзии начала XX века: творчестве Дардменда, Г.Тукая, где смысловая нагрузка образов-символов природы «направляется на раскрытие силы любви к Всевышнему» [17: 155].

Световой образ лежит в основе суфийского миропонимания и мировоззрения. Подобные образы обнаруживаются и в татарской суфийской поэзии данного периода:

Нәкаисдән дәгел бу зат – мөбәрра,

Вәликен фа, никхүд рами гарра [12: 81].

(Бозыкылардан азат бу зат – пакъ, саф,

Вә ләкин тыйнак, оялчан, күндәм, мәшһүр, нур сибүче).

(Ш.Заки «Каргалы һибәтулла хәзрәткә»).

В произведении автор представляет традиционное суфийское понимание жизни и бытия: мир эманурует из Единого, Создателя. Ш.Заки Всевышнему придает статус творца жизни на земле.

Таким образом, творчество А.Каргали и Ш.Заки доказывает, что в татарской поэзии первой половины XIX века продолжает широко применяться суфийская символика. Поэты выстраивают символическую образную систему, выражающую суфийское миропонимание лирического героя; используют эти образы как основу для передачи авторской позиции и своих философских воззрений.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РТ. Грант №14-14-16004 «Атрибуция языка поэтических произведений XIX века».

*****

1. *Загидуллина Д.* Картина мира и художественные особенности средневековой татарской суфийской поэзии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т.149, кн. 2. – С. 206 – 216.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл.ред. А.Н.Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1596 с.
3. *Сибгатуллина А.Т.* Суфизм в татарской литературе (истоки, тематика и жанровые особенности): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – 62 с.
4. *Идиятуллина Г.Г.* Абу Наср Курсави и среднеазиатские истоки татарской общественной мысли конца XVIII – начала XIX веков (по материалам трактата «ал-иршад ли-л-‘ибад»: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казан. гос. ун-т. – Казань, 2001. – 22 с.
5. *Юзеев А.И.* Суфизм в Поволжье и Приуралье // Татарская религиозно-философская мысль в общемульманском контексте. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – С. 113–117.
6. *Ганиева Р.К.* Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – Казань: Изд-во КГУ, 2002. – 272 с.

7. *Массиньон Л.* Методы художественного выражения у мусульманских народов // *Арабская средневековая культура и литература.* – М.: Наука, 1978. – С. 54 – 60.
8. *Степанянц М.Т.* Поиск скрытого смысла // *В поисках скрытого смысла. Духовное учение Руми.* – М.: Изд-во «Ладомир», 1995. – С. 4–15.
9. *Сибгатуллина Ә.Т.* Суфичылык серләре. – Казан: Заман, 1998. – 368 б.
10. *Бертельс Е.Э.* Избранные труды: В 3 т. – М.: Наука, 1965. – Т.3: Суфизм и суфийская литература. – 560 с.
11. *Саяпова А.* Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Алма-Лит, 2006. – 246 с.
12. *Миңнегулов Х., Садретдинов Ш.* XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1982. – 144 б.
13. *Пригарина Н.* Поэтика творчества Мухаммада Икбала. – М.: Наука, 1978. – 232 с.
14. *Ибрагим Т.* Суфийская концепция «совершенного человека» // *Человек как философская проблема: Восток – Запад.* – М., 1991. – С. 62 – 75.
15. *Гумеров И.* Идеино-эстетические особенности творчества Гали Чоккрыя: дис... канд филол.наук . Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 275 с.
16. *Юсупов А.Ф., Юсупова Н.М.* Суфизм в средневековой татарской культуре: роль, особенности и модели мира // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2012. – № 5. – С. 219 – 222.
17. *Юсупова Н.М.* Космогонические символы в лирике Г.Тукая // *Филология и культура. Philology and culture* – 2012. – № 1(27). – С. 153 – 156.

SUFİ SYMBOLISM IN TATAR POETRY OF THE NINETEENTH CENTURY

N.M.Yusupova, A.F.Yusupov

The article explores the features of Tatar Sufi poetry of the nineteenth century, basing on the poems of A.Kargaly and Sh.Zaki, and identifies the frequently used Sufi symbols, their meaning and philosophical-aesthetic functions. In the course of study, forms of symbolization within Sufi aesthetics, which are relevant to the national culture, are revealed.

Key words: Tatar poetry, symbol, Sufizm, Sufi aesthetics, interpretation, Weltanschauung (world view), outlook.

*****

1. *Zagidullina D.* Kartina mira i hudozhestvennyye osobennosti srednevekovoy tatarskoj sufijskoj poezii // *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki.* – 2007. – T.149, kn. 2. – S. 206 – 216. (In Russian)
2. *Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij / Gl.red. A.N.Nikoljukin.* – М.: Intelvak, 2001. – 1596 s. (In Russian)
3. *Sibgatullina A.T.* Sufizm v tatarskoj literature (istoki, tematika i zhanrovye osobennosti): Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kazan. gos. un-t. – Kazan', 2000. – 62 s. (In Russian)
4. *Idijatullina G.G.* Abu Nasr Kursavi i sredneaziatskie istoki tatarskoj obshhestvennoj mysli konca XVIII – nachala XIX vekov (po materialam traktata «al-irshad li-l-‘ibad»: Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Kazan. gos. un-t. – Kazan', 2001. – 22 s. (In Russian)
5. *Juzeev A.I.* Sufizm v Povolzh'e i Priural'e // *Tatarskaja religiozno-filosofskaja mysl' v obshhemusul'manskom kontekste.* – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2002. – S. 113 – 117. (In Russian)
6. *Ganieva R.K.* Tatarskaja literatura: tradicii, vzaimosvjazi. – Kazan': Izd-vo KGU, 2002. – 272 s. (In Russian)
7. *Massin'on L.* Metody hudozhestvennogo vyrazhenija u musul'manskih narodov // *Arabskaja srednevekovaja kul'tura i literatura.* – М.: Nauka, 1978. – S. 54 – 60. (In Russian)
8. *Stepanjanc M.T.* Poisk skrytogo smysla // *V poiskah skrytogo smysla. Duhovnoe uchenie Rumi.* – М.: Izd-vo «Ladomir», 1995. – S. 4–15. (In Russian)
9. *Sibgatullina Ә.Т.* Sufichylyk serläre. – Казан: Заман, 1998. – 368 б. (In Tatar)
10. *Bertel's E.Je.* Izbrannye trudy: V 3 t. – М.: Nauka, 1965. – Т.3: Sufizm i sufijskaja literatura. – 560 s. (In Russian)
11. *Sajapova A.* Dardmend i problema simvolizma v tatarskoj literature. – Kazan': Alma-Lit, 2006. – 246 s. (In Russian)
12. *Миңнегулов Х., Садретдинов Ш.* XIX jөз татар әдәбияты ядкярләре. – Казан: Казан un-ty nәshr., 1982. – 144 б. (In Tatar)
13. *Prigarina N.* Pojetika tvorchestva Muhammada Ik-bala. – М.: Nauka, 1978. – 232 s. (In Russian)
14. *Ibragim T.* Sufijskaja koncepcija «sovershennogo cheloveka» // *Chelovek kak filosofskaja problema: Vostok – Zapad.* – М., 1991. – S. 62 – 75. (In Russian)
15. *Gumerov I.* Idejno-jesteticheskie osobennosti tvorchestva Gali Chokryja: dis... kand filol.nauk . Kazan. gos. un-t. – Kazan', 2002. – 275 s. (In Russian)
16. *Jusupov A.F., Jusupova N.M.* Sufizm v srednevekovoj tatarskoj kul'ture: rol', osobennosti i modeli mira // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – 2012. – № 5. – S. 219 – 222. (In Russian)

17. *Jusupova N.M.* Kosmogonicheskie simvolы v lirike – 2012. – № 1(27). – S. 153 – 156. (In Russian)
G.Tukaja // Filologija i kul'tura. Philology and culture

* * * * *

Юсупова Нурфия Марсовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: faikovich@mail.ru

Yusupova Nurfiya Marsovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Tatar Literature and Instruction, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Krelyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia.
E-mail: faikovich@mail.ru

Юсупов Айрат Фаикович – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: faikovich@mail.ru

Yusupov Ayrat Faikovich – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Tatar Language and Instruction, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Krelyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia.
E-mail: faikovich@mail.ru

Поступила в редакцию 22.12.2013